

Двадцать третий год правления Чжэньгуань выдался на редкость долгим и холодным. Еще с поздней осени прошлого года ледяной ветер, пришедший из Сибири, словно набравшись сил, не утихал ни на миг. Днем и ночью он, подхватив ледяную крошку и хлопья снега, с яростью обрушивался на высокие и толстые стены города Чанъань, с жалобным воем проносясь мимо величественных, устремленных в небо карнизов дворца Тайцзи.

Те самые глазурованные украшения в виде драконов и позолоченные колокольчики, что символизировали величие и роскошь императорского дома, ныне были погребены под толстым, никогда не тающим слоем снега. Их очертания размылись, и лишь в краткие минуты, когда небо прояснялось, они отражали тусклый свет, прежде чем вновь погрузиться во мрак.

Весь дворцовый комплекс напоминал огромного зверя, затаившегося в глубине суровой зимы: он молчал, тяжело дыша, и каждый кирпич, каждая черепица были пропитаны холодом, пробирающим до самых костей.

Этот холод был не только погодным явлением — это была тьма, сгущавшаяся в самом сердце империи. Дворец Личжэн, личные покои, где сосредоточилась власть, прежде всегда дышал величием и жизнью, но теперь его наполнил тяжелый, невыветриваемый запах лекарств, смешанный с едва уловимым, но тошнотворным ароматом тлена, который не могли заглушить даже самые дорогие благовония. Этот запах давил на ноздри, сжимал сердца, словно невидимые оковы, заставляя всех, кто входил сюда, ступать бесшумно, говорить шепотом и даже дышать с осторожностью, граничащей с мукой.

На ложе дракона лежал верховный правитель Великой Тан, Тенгри-каган Ли Шиминь. Жизнь этого великого мужа, создателя эпохи Правления Чжэньгуань, вошедшей в анналы истории, теплилась подобно фитилю на ветру, вспыхивая и угасая в ледяном потоке смерти. Лица императорских лекарей с каждым днем становились все мрачнее, а прописываемые ими снадобья — все слабее, превращаясь в бессильное утешение.

Однако, как ни странно и ни горько это было осознавать, понимая, что конец близок, император Тай-цзун проявил поистине жестокую силу воли.

Он больше не пребывал в беспамятстве целыми днями. В редкие моменты просветления он с поразительным упорством заставлял свое иссохшее, измученное болезнью тело, в котором, казалось, остались лишь одни кости, принимать полусидячее положение. Он настаивал на том, чтобы видеть своих ближайших сановников во главе с Чжансунь Уцзи и Чу Суйляном, и вникал даже в самые незначительные государственные и военные дела.

Это зрелище было до боли трагичным, и всякий, кто его видел, не мог сдержать слез. Император, чье лицо приобрело восковой оттенок, нуждался в помощи четырех-пяти крепких евнухов, которые бережно поддерживали его, подкладывая за спину множество мягких подушек, чтобы он мог удержаться в полусидячем положении. Его мутный взгляд то блуждал, словно он витал в иных мирах, то внезапно обретал прежнюю остроту, подобно последнему взору умирающего орла, медленно обводя преданных сановников с поседевшими волосами, склонившихся перед ложем.

Его голос был едва слышен, и главному евнуху Ван Дэ приходилось прижимать ухо к его губам, чтобы потом пересказывать слова остальным. Каждая фраза давалась с трудом, прерывалась тяжелым дыханием и кашлем, словно каждое слово отнимало у него последние остатки жизненных сил.

И все же вопросы, которые он задавал — о военных донесениях из Лунъю, о перевозках по Хэнаньдао, об остатках в государственной казне, о весенних полевых работах в наступающем году и даже о грядущих государственных экзаменах, где он оценивал таланты таких ученых мужей, как Шангуань И, — все они били точно в цель.

Это не был бред слабоумного. Это была последняя тщательная проверка империи, которую великий государь проводил у самого порога вечности.

Каждое такое аудиенция выжимала из него последние капли энергии. Все длилось недолго, от силы четверть часа, а после император, словно лишившись всякой опоры, бессильно откидывался назад и погружался в еще более глубокое, мертвенное забытие, и дыхание его становилось настолько слабым, что казалось, вот-вот оборвется навсегда.

Императрица Чансунь, чьи прекрасные глаза были полны слез, не раз сжимала в руках шелковый платок, порываясь прервать его, но каждый раз заставляла себя молчать. Она прекрасно знала: на ложе лежит не просто ее супруг, а Сын Неба. Он из последних сил старался расчистить путь для мирной передачи власти и проложить как можно более ровную дорогу для своего преемника. И стоило ей подумать о наследнике, как сердце сжималось от невыносимой боли.

Ли Чэнцян, Ли Тай, Ли Чжи — трое сыновей, которых она выносила под сердцем и родила, пройдя через муки и близость смерти. Старший, Чэнцян, был лишен титула и заточен. Теперь же Тай и Чжи сошлись в смертельной схватке, и чем бы она ни закончилась, она неизбежно обернется трагедией братоубийства. Материнское сердце было разорвано на части этой бесконечной тревогой, болью и невозможностью выбора.

Система: Обнаружено предвестие исторического узла Смена власти! Индекс давления среды резко возрос! Предел критической отметки пройден! Текущий уровень давления: 95! Настоятельно рекомендуется активировать режим полной готовности! Оценка условий выживания хозяина: крайне опасно!

У Юаньчжао, будучи приближенной наложницей, имела несчастье оказаться в самом эпицентре жестокой борьбы за власть перед кончиной империи.

Обычно она стояла на коленях в темном углу покоев, опустив голову и стараясь быть как можно менее заметной. В руках она могла держать чашу с женьшеневым отваром или рисовой кашей, которую постоянно подогревала, но ее уши работали как самый чувствительный радар, улавливая каждое слово у ложа императора, каждую смену интонации в диалогах сановников, каждый многозначительный взгляд и даже скрытую угрозу в кашле государя.

Ее нервы были натянуты как струна, а мозг лихорадочно анализировал каждое крупную информации, вычисляя расстановку сил и потенциальные угрозы.

Она ясно видела: благодаря тому, что император из последних сил поддерживал равновесие, ситуация, грозившая хаосом из-за отсутствия наследника, временно удерживалась в хрупком балансе. Однако этот баланс был подобен танцу на лезвии ножа — под поверхностью скрывались рифы и смертельные опасности.

Вопрос о преемнике стал мечом, занесенным над головами каждого. Бывший наследник Ли Чэнцян уже был в прошлом, а главные претенденты — Вэй-ван Ли Тай и Цзинь-ван Ли Чжи — родные братья, открыто вели ожесточенную борьбу.

Вэй-ван Ли Тай, опираясь на поддержку огромной группы литераторов, таких как Сяо Дзянь и Гу Инь, а также некоторых радикально настроенных военачальников, действовал все более настойчиво. Он появлялся во дворце Личжэн чаще, чем Ли Чжи, изображая скорбящего сына, с плачем сжимал иссохшую руку отца и давал советы, которые на деле были лишь попыткой выставить себя решительным и способным правителем. В его глазах, помимо притворной тревоги, читалась жажда власти.

Взгляд, который он бросал на молчаливого Ли Чжи, был полон холодного презрения и подозрительности. Однажды У Юаньчжао, спрятавшись в тени, случайно услышала, как Ли Тай, подавая лекарство императрице, шептал: Если я взойду на трон, то последую примеру древних: убью своего сына и передам престол брату, чтобы сохранить мир в семье. Эта клятва, внешне благородная, на деле была лишь политическим расчетом.

Цзинь-ван Ли Чжи держался иначе. Он был сама кротость и спокойствие. Он с терпением ухаживал за отцом, лично пробовал лекарства и был внимателен к каждой мелочи. Когда император занимался делами, Ли Чжи тихо сидел в стороне, слушая, как самый прилежный ученик. Лишь когда к нему обращались, он отвечал четко и взвешенно, что резко контрастировало с радикализмом Ли Тая. Он казался идеальным правителем для тех, кто жаждал стабильности.

У Юаньчжао чувствовала, что за внешней мягкостью Ли Чжи скрывается холодный ум и глубокое терпение. Он умело использовал надежды Чжансунь Уцзи и Чу Суйляна на стабильность и их опасения по поводу амбиций Ли Тая. Он был подобен опытному охотнику, ожидающему ошибки соперника.

Это напряжение достигло пика в один из зимних дней двадцать третьего года Чжэньгуань. Небо, долгое время затянутое тучами, внезапно прояснилось, и в покои проник слабый солнечный луч. Император, вдохновленный этим, решил созвать Чжансунь Уцзи, Чу Суйляна, Фан Сюаньлина и Ли Цзи.

Императора с трудом усадили на ложе. Его восковое лицо странно покраснело. Глядя на своих старых соратников, он с грустью вспоминал годы былых сражений и создание процветающей эпохи.

— Время никого не щадит, — прохрипел он, глядя на седину Чжансунь Уцзи. — Когда-то мы были молоды, скакали на конях и покоряли тысячи ли... Теперь же все мы стары.

Сановники, слушая эти слова, подобные предсмертному завещанию, не могли сдержать рыданий. В этот момент император внезапно спросил:

— Я всю жизнь служил государству, не щадя сил... Но что будет после меня? Мои сыновья... все они рождены от императрицы, все они мои законные наследники... Но трон пустует, страна колеблется... Кого из них, по вашему мнению, можно доверить это великое государство?

В зале воцарилась гробовая тишина. Ли Тай, не выдержав, пал ниц:

— Отец! Если вы назначите меня наследником, я клянусь: после вашей кончины я убью собственного сына и передам престол брату Ли Чжи, чтобы сохранить мир! Пусть небо и духи будут свидетелями!

Все присутствующие были потрясены. Ли Шиминь смотрел на сына с глубоким разочарованием:

— Тай-эр... что ты сказал? Убить сына, чтобы передать трон? Я ищу наследника, способного к милосердному правлению, а не того, кто готов ради власти проливать кровь родных! Ты слишком разочаровал меня... Ты не годен быть правителем.

Ли Тай побледнел, пытаясь оправдаться, но Чжансунь Уцзи, выждав момент, ударил поклоном:

— Ваше Величество! Вэй-ван клянется искренне, но его слова противны человеческой природе. Цзинь-ван Ли Чжи милосерден, умен и любим чиновниками. Если он взойдет на престол, это принесет мир и спокойствие!

Чу Суйлян и другие сановники поддержали его:

— Просим Ваше Величество назначить Цзинь-вана наследником!

Император, обведя взглядом присутствующих, наконец остановил взор на поверженном Ли Тае и твердо произнес:

— Мое решение принято. Ли Чжи... быть наследником престола.

— Слава Вашему Величеству! — воскликнули сановники.

Ли Чжи, подавляя рыдания, ударил поклоном:

— Сын ваш Ли Чжи принимает волю отца! Я буду служить государству до последнего вздоха, буду милосерден к народу и братьям!

Ли Тай, лишившись чувств, лежал на полу, охваченный отчаянием и ядовитой ненавистью.

Система: Крупное историческое событие! Ли Чжи назначен наследником! Вы получили достижение: Заслуга в возведении на трон (начальная). Отношение Ли Тая к вам: смертельный враг. Осторожно: период передачи власти наиболее опасен!

Пыль осела. У Юаньчжао, стоявшая в тени, чувствовала, как с плеч свалился тяжкий груз. Она угадала! Но в то же время холод пробрал ее до костей: это лишь начало настоящего шторма.

Церемония возведения наследника прошла поспешно. На второй день вышел указ: Ли Тай, за недостойное поведение и интриги, лишается титула и ссылается в уезд Юньсян округа Цзюньчжоу.

Когда Ли Тая силой увозили из Чанъаня, он проклинал Ли Чжи и Чжансунь Уцзи, крича, что это узурпация власти.

Тем временем атмосфера во дворце Личжэн изменилась. У Юаньчжао, получив негласный статус приближенной наследника, не смела расслабляться. В ту ночь она снова тайно встретилась с Ли Чжи в библиотеке Южного парка.

— Ситуация кажется стабильной, но под поверхностью скрываются опасности, — сказал Ли Чжи, выглядя уставшим. — Отец при смерти... Я боюсь за мать. Ты заметила что-нибудь странное во дворце? Особенно в еде и лекарствах?

У Юаньчжао рассказала о своих подозрениях насчет сосуда для лекарств. Ли Чжи передал ей флакон с особой жидкостью:

— Проверь это, не привлекая внимания.

Через два дня У Юаньчжао удалось провести тест. Жидкость окрасилась в зловещий синий цвет. Система выдала сигнал тревоги: Яд! Болезнь императора не была случайностью!

Она должна была немедленно сообщить Ли Чжи, но случилось непредвиденное: принцесса Цзиньян, Ли Минда, внезапно заболела и скончалась.

Эта весть стала последней каплей. Император, узнав об этом, вырвал кровью и впал в беспамятство, из которого уже не вышел. Императрица, обезумев от горя, также слегла. Дворец погрузился в траур и ужас. Страна оказалась на грани краха!

В этой пучине хаоса и безмерной скорби У Юаньчжао сжимала в руках тайну, способную поднять девятибалльный шторм. Она чувствовала, что стоит в самом эпицентре бури, готовой поглотить всё сущее.

Финальный час приближался, ускоряясь самым неожиданным и жестоким образом. Значимость козыря, что был у неё в руках, уже невозможно было измерить — именно он должен был определить исход борьбы за власть, а вместе с тем — её собственную жизнь, смерть и честь.

Система: Выполнено ключевое задание «Тайны ядов», получены решающие доказательства! Историческое событие «Смерть принцессы Цзиньян» запущено, процесс «Падение императорской звезды» значительно ускорен! Уровень угрозы выживанию: 98! Финальное испытание близко! Прошу носителя подготовиться ко всему!

<http://bllate.org/book/18487/1777055>